

TORGNY SÄVE—SÖDERBERGH, Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur altägyptischen Aussenpolitik, Lund, Hakan Ohlssons Boktryckeri, 1941, VIII + 276 стр.

История Нубии стала сравнительно недавно предметом научных изысканий, и притом в большинстве случаев односторонних. Причиной этого является ограниченность буржуазной науки, проявляющаяся обычно в игнорировании истории целых стран и народов, в делении народов на «исторические» и «неисторические». Ни в «Кембриджской древней истории», ни в трудах Хэлла, Морэ и ряде других сводных изданий последнего времени нет ни одной главы, ни одного раздела, посвященных Нубии. О ней обычно упоминается только в связи с внешней политикой Египта или в связи с завоеваниями эфиопской династии, хотя и указывается тесная близость между культурой и населением архаического южного Египта с примыкающими к нему с юга областями. Терминологию и взгляды британской колониальной империи Хэлл переносит на глубину древность, предполагая, что в конце Древнего царства территория туземных нубийских племен рассматривалась как «сфера влияния» политики фараонов¹.

Полностью, как правило, опускается внутренняя история Нубии, так же как и проблемы закономерности ее исторического развития. В интерпретации буржуазных ученых история Нубии представляется цепью более или менее случайных событий, функцией от истории Египта, от которого она, по их мнению, находилась в полной культурной и политической зависимости.

В последние десятилетия в египтологических журналах и в периодических изданиях всевозможных научных учреждений появились многочисленные статьи и публикации, относящиеся к археологии, хронологии, исторической географии и этнографии Нубии². Накопление огромного и разнообразного материала, прежде всего археологического, требует более тщательной и углубленной его разработки и систематизации.

Эту задачу пытается разрешить шведский египтолог Торгни Севе-Седерберг, но и его занимают лишь те проблемы истории Нубии, которые имеют отношение к истории ее северного соседа. «Настоящая работа имеет своей целью проследить экспансию и колониальную политику древнего Египта на юге. Таким образом, она не претендует на то, чтобы быть историей культуры Нубии. Чисто нубийский материал и связанные с ним проблемы приняты во внимание постольку, поскольку это имеет значение для суждения о взаимоотношениях между египтянами и их южными соседями»,—так формулирует в предисловии (стр. III) Севе-Седерберг свои интересы. «Высокоразвитый» Египет он противопоставляет отсталой и политически незначительной Нубии, совершенно не пытаясь объяснить причины расцвета первого и оскудение второй, ограничившись замечанием, что благодаря подобному стечению обстоятельств египтяне могли легко и удобно эксплуатировать южные земли (стр. 1—2). Собранный в книге огромный материал по существу является не чем иным, как хорошо систематизированной сводкой данных, характеризующей деятельность египтян за 1-м порогом: военную, административную, экономическую, культурную и т. д.

Севе-Седерберг располагает материал в хронологическом порядке, начиная изложение с тинитской эпохи и кончая XX династией, хотя, как известно, сношения Египта с Нубией не прерывались и позже. Находки в погребениях так называемой культуры А египетской керамики и каменных сосудов, а в захоронениях эпохи Менеса—предметов из эбенового дерева и слоновой кости позволяют отнести возникновение торговых сношений между обеими странами к очень отдаленному времени. Автор пытается опре-

¹ Н. R. Hall, *The Ancient History of Near East*, 8 Edition, London, 1932, стр. 95—96.

² Библиографию см. R. L. Hill, *A Bibliography of Anglo-Egyptian Sudan from earliest times to 1937*, London, 1937; H. W. Bessett, *A Summary of the Literature relating to the history of Nubia*, «The Archaeological Survey of Nubia». Report for 1907/08, Cairo, 1910, II, стр. 343—370.

делить границу между ними и проследить пути, по которым проходили караваны. Период Древнего царства характеризуется торговыми экспедициями и грабительскими набегами египтян на Элефантину. Золото еще не служило тогда для них приманкой, золотые рудники стали разрабатываться позже. Ослабление Египта в конце правления VI династии и вторжение в Нубию племен—носителей культуры С временно сокращает, если не прекращает совершенно, связи между Нубией и Египтом. Новый период активизации политики фараонов на юге начался с воцарением XI династии и достиг апогея при правителях XII династии, которые закрепили завоеванные земли и до неупорядоченного грабежа во время набегов перешли к организованной эксплуатации местного населения. При них же впервые и началась добыча золота в районе Вади-Алаки, где преимущественно работали туземцы. За добычу отвечали племенные вожди. Походы Сенусерта III были вызваны необходимостью отразить вторгнувшиеся из Судана племена, скорее всего, кочевников. Этот фараон проник южнее 2-го порога. «Колонизация» египтян на юг не приняла широких размеров. Они жили в крепостях или в непосредственной близости последних. Это были военные, чиновники, возможно, их семья. С местным населением общего у них было мало. Культура С продолжала существовать рядом с египетской, мало подвергаясь ее влиянию.

События второго междуцарствия не отразились на северной Нубии. Мирный период здесь продолжался, возможно, до нашествия гиксосов. Восстание на юге, которое пришлось подавлять Камосу, доказывает, что туземцы освободились от иноземного господства. Этот период характеризуется усилением южных влияний, так называемой культуры Кермы, усилением и обогащением местной знати, стремившейся во всем подражать египетским фараонам. Некоторые туземные племена проникают в Верхний Египет, где свидетельством их пребывания служат так называемые «кастрюлеобразные» погребения (rangraves). Этническая принадлежность владельцев указанных погребений пока не поддается точному определению.

Новое усиление Египта при первых фараонах XVIII династии дало им возможность вновь овладеть северной Нубией. Огромное значение имел с точки зрения экономической и стратегической захват района Кермы, вероятно, при Тутмосе I. Попытки восстаний жестоко пресекались. Страна была поделена на пять областей, и в управлении ими, помимо чиновников, принимали участие местные вожди. Южнее всех проник Тутмос III, установивший свою государственную границу в районе Гебел-Баркала. Почти непреодолимый 4-й порог образовал естественный рубеж, далее которого власть Фив никогда не распространялась. Напата была первоначально не только пограничной крепостью, но и крупным торговым центром, игравшим значительную роль в обмене с Суданом. После Тутмоса III походы в Нубию имели целью не столько подавлять восставших нубийцев, сколько отражать набеги кочевых племен. Во внешней политике Египта первенствующее положение занимают его устремления в северные страны. В конце XVIII династии влияние египтян в Нубии слабеет. Возможно, поездка Хоремхеба была последней внушительной демонстрацией. Пышные надписи и рельефы правителей последующих династий, изображающие их мнимые успехи на юге, скорее всего носят символический характер и не передают реальных исторических событий. Длинные списки покоренных племен и стран—всего лишь копии подобного рода документов предшествующих царей. Северная Нубия в эпоху Нового царства перестала быть «провинцией» и превратилась в составную часть собственно Египта.

Затем Т. Севе-Седерберг останавливается на системе управления Нубией. Он пытается установить границы юрисдикции «царских сыновей Куша», должности, функции и титулы их подчиненных, а также роль туземных вождей в эксплуатации природных богатств страны и ее жителей. Специальная глава посвящена египетской колонизации, которая, по мнению автора, носила ограниченные размеры. На юг направлялись только солдаты и должностные лица. Отправка в Куш была даже наказанием. Ввоз рабов доказывает, что в самом Египте не было переизбытка населения. Исследуя экономику Нубии, автор приходит к выводу, что на север вывозилось первоначально только сырье, которое в эпоху Нового царства дополняется и некоторыми ремесленными изде-

лиями туземцев. Ремесленники подражали египетским образцам. Скот доставляли южные районы, ремесленные изделия и золото—северные. Здесь экономические условия были близки к египетским. В заключительной главе «Нубийцы в Египте» рассматривается, где и как применялся в Египте их труд и какова была роль нубийцев и «вице-королей» Нубии во внутренней его жизни, в частности в дворцовых интригах и заговорах, которыми так богата история XX династии.

В конце книги приложен обширный список литературы, но в нем отсутствует указание на известную работу русского учёного М. Х о с т о в а (История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907), в вводном разделе которой целая глава уделяется затрагиваемым Т. Севе-Седербергом проблемам.

Т. Севе-Седерберг дает экскурсы по отдельным, частным вопросам политической и экономической истории Нубии, ее географии, этнографии, археологии и т. д. Интересны наблюдения над этническими сдвигами в Нубии, связанными с появлением так называемой культуры С, о значении Нубии во внутренней жизни Египта, о ввозе рабов.

Однако тщетно искать в книге шведского египтолога то, что является основой всякого подлинно исторического исследования, то, что служит его целью и смыслом—определение связи и закономерности явлений, объяснений причин политических событий и их значения. Автора интересует только прагматическая сторона, и все свои силы и знания он тратит на установление того или иного факта, что, конечно, очень важно, но отнюдь не может быть определено, как конечная задача работы историка.

В иных случаях сам материал наталкивает автора на ценные и интересные выводы, в других—эмпиризм и обычное среди буржуазных ученых ложное представление о «благодетельной» роли капиталистических держав по отношению к «некультурным» народам приводят к явно ошибочным толкованиям.

Уменьшение количества египетских привозных изделий в нубийских погребениях периода NA-3 может быть объяснено не столько снижением покупательной способности населения, как полагает Т. Севе-Седерберг, сколько характером политики фараонов V и VI династий по отношению к Нубии, часто просто грабивших местное население. Воспитание детей и родственников туземных вождей при фиванском дворе, где их стремились превратить в подлинных египтян и верных слуг фараонов, отнюдь не служит доказательством того, что «египтяне не проводили в нубийской провинции хищнической политики (Raubpolitik), а стремились к мирному сожительству с местным населением» (стр. 186). Подобное утверждение звучит по меньшей мере наивно и верно лишь в той степени, в какой действительно «мирное сожительство», т. е. периоды, когда были подавлены очередные мятежи или восстания, способствовали выкачиванию необходимых продуктов и более успешной эксплуатации туземцев. Соответствующее воспитание туземных князей именно и было одним из средств «хищнической политики».

Ничего невозможного, конечно, не содержит в себе предположение, что коалиция туземных племен, с которой столкнулся Хуефхор, вельможа эпохи VI династии, во время своего путешествия в Нубию, была направлена против Египта, ибо эксплуатация страны египтянами и постоянная угроза вторжения с их стороны могли сплотить отдельные племена. Однако нет никаких оснований полагать, что союз этих племен имел одни лишь враждебные и притом агрессивные по отношению к Египту намерения. Единственный документ—биография Хуефхора—подобных выводов не допускает. Три незначительных племени (между 1-м и 2-м порогами их обитало около десятка) не могли серьезно помышлять о борьбе со столь могущественным государством, тем более, что их непосредственные соседи, как например, Иам, были в явной оппозиции к союзу.

Хотя автор и ссылается на более правильную датировку так называемых «черепков проклятия», предложенную русскими египтологами—акад. В. В. Струве и Н. А. Мещерским на основании данных палеографии и подтвержденную недавно работой французского ученого Г. Позенера, тем не менее он пользуется старым определением

К. Зете, что значительно ограничивает и даже искажает его выводы. То же относится и к датировке Лейденского папируса № 344.

Таким образом, исследование Т. Севе-Седерберга является только пособием для дальнейшего изучения истории Нубии, в особенности ее отношений к Египту, и требует известной осторожности при пользовании.

Выводы автора нуждаются в существенных дополнениях и углублении.

Вместе с тем эта книга служит наглядным примером того, к чему приводит методологическая ограниченность буржуазной науки. Она не позволила автору раскрыть внутреннее положение Нубии в разные периоды ее исторического бытия и установить законы и особенности развития этой малоизученной страны.

И. С. Кацнельсон

Этруски и греки (Эллинизация Италии)

Ä. ÅKERSTRÖM, *Der Geometrische Stil in Italien (Archäologische Grundlagen der frühesten historischen Zeit Italiens)*. Lund—Lpz., 1943; I. SCOTT RYBERG, *An Archaeological Report of Rome, Parts I—II («Studies and Documents», XIII)*. London, 1940.

Первая из названных в заголовке книг старается выяснить происхождение геометрического стиля в Италии, не выходясь за тесные рамки главным образом керамического материала, имеющего на себе определенную орнаментику и происходящего с ограниченной территории.

Исследование делится на две неравные части, из которых первая, занимающая около двух третей книги, посвящена обзору геометрической и субгеометрической керамики сицилийских, южно-италийских, а также этрусских некрополей (стр. 9—101). Оно перемежается экскурсами в область хронологии протокоринфского стиля и греческой керамики так называемого доколониального периода в Сицилии вообще (стр. 32—37).

Вторая часть исследования посвящена изучению геометрической орнаментики на бронзовых и керамических изделиях из Этрурии и из центра культуры Вилланова—Болоньи (стр. 101—144).

Заканчивает книгу небольшой раздел, суммирующий выводы предшествующего анализа в отношении времени и происхождения элементов культуры Вилланова, греческой колонизации, взаимоотношений греков и этрусков, греков и носителей культуры Вилланова, посвященный также оценке культурного значения греческой и финикийской торговли в Италии (стр. 153—165).

Шведский ученый Экерстрем, известный своей монографией об этрусской погребальной архитектуре¹, предлагает новые ответы на вопросы происхождения культуры Вилланова и этрусков, а также времени проникновения греческого влияния в Италию, опираясь на данные типологии и хронологии геометрического стиля. Эта интересная по замыслу работа проделана, однако, с таким произвольным выбором материала и с таким отрывом его от общеисторической перспективы, что книга Экерстрема должна быть названа одной из наиболее тенденциозных книг в области итальянской археологии.

Керамика геометрического стиля, характеризующая начальную стадию греческой культуры, представлена также и на итальянской почве. Среди сосудов геометрического стиля, найденных в Сицилии и Италии, имеется небольшое количество привозных, происходящих из тех или иных греческих центров, и значительное количество местных воспроизведений и подражаний.

При этом получается довольно любопытная картина, на которую еще до Экерстрема обратил внимание Блеквей в своих весьма важных работах, посвященных истории

¹ Ä. Åkerström, *Studien über die etruskischen Gräber*, 1934.